

„ПОСЛЕДНИЕ“

Московскому Художественному театру принадлежит печальное право авторства пресловутой теории о несценичности горьковских пьес. МХАТ, в силу своей мелкобуржуазной ограниченности, не смог найти соответствующего звучания драматургии первого пролетарского классика мировой литературы.

Суждение о несценичности, статичности (бездейственности) горьковских пьес стало дурной традицией театров и критиков. Это суждение настолько укоренилось, что даже Горький, скромность которого хорошо всем известна, в статье «О пьесах» отмечал: «Я написал почти двадцать пьес, и все они — более или менее слабо связанные сцены, в которых сюжетная линия совершенно не выдержана, а характеры недописаны, неярки, неудачны».

Это самокритичное замечание верно подмечает внешние особенности горьковской драматургии, ибо существо ее не в установленных формах театрального произведения, а в содержании, устанавливающем новые формы.

Драматургия Горького — драматургия глубокой социальной мысли, мысли переломной широкой размахом социальных действий, делающей значительным и «сюжетным» каждое событие на сценической площадке. Характеры горьковских пьес всегда будут недописаны, неярки, неудачны, если театр не почувствует за ними образы классов, образы больших социальных явлений.

Ясно, конечно, что дореволюционный МХАТ не мог так подойти к горьковским

пьесам, а попытки послереволюционного МХАТ а не увенчались успехом. Отнюдь не случайно, что первым «открыл» Горького театр критического последователя Станиславского — театр Е. Вахтангова.

После блестящего, в высшей степени сценического, спектакля вахтанговцев, спектакля, стремительного действия и ярких характеров (Егор Булычев — 1932 г.), театры вновь потянулись к драматургии Горького. Тогда Московским Малым и Ленинградским Большим театрами были найдены среди полутора десятка забытых пьес «Враги», пьеса о классовой ненависти, о классовой борьбе, о вырождении одних и неизбежной победе других. Мы современники новой «находки» — первый краевой театр, вместе с некоторыми другими провинциальными театрами, включили в репертуар и поставили пьесу «Последние».

Редкое зрелище разворачивается перед нами. Омерзительнейшая картина вырождения дворянства — столпа русского самодержавия. Дворянство, потерявшее собственную экономическую базу и перешедшее на услужение к буржуазии. Таков дворянин Иван Коломийцев, в прошлом полицмейстер, в будущем исправник. Таков его старший сын Александр, таков и его преуспевающий зять — Лещь, разновидность трупного червя, небрезгающего брать взятки даже с родных.

Семья, основа буржуазной морали, распадается, прогнивает. «Последние» выступают представителями самого гнус-

ного разврата. преднамеренной проституции, прикрытой торговли телом. Надежда Коломийцева, жена Леша, поучает младшую сестру Веру выйти замуж за пятидесятилетнего развратного Ковалева. Александр насмехается и по-своему «оправдывает» прошлую связь матери с братом отца, Яковом, принуждая ее взять у Якова денег.

Несколько особой группой стоят «последние», младшие дети Коломийцевых. Урод с детства, Люба, выступает в качестве безжалостного обличителя «последних», но и ей самой нет места в жизни. Вера — нежный цветок бальмонтовской «утешительной» песенки, отравлена зловонием и мерзостью разврата и хищничества. Петр — ярчайшая характеристика вырождения дворянства. Петр случайно познакомился с революционером. Он восторгается им, он поднимается над средой «последних», осознавая

подлость своего отца и брата. Но недолог взлет рожденного ползать. Петр быстро осознает, что «там» требуют от человека того, чего не может дать его опустошенная душонка. И Петр решает — «туда я больше не пойду». Там ему нечего делать. Петр, поняв это, горько жалуется на того, кто «случайно» взял пустой чемодан в дорогу, забыв в него положить багаж».

Яков — прекрасный образ «последнего из либералов», олицетворение полного бессилия того немногочисленного лучшего, что еще сохраняло дворянство. Его человечность, его безвольность, его любовь к Софье гнусно, низко используют и Иван, и Александр, и Леша с Надеждой.

Мать: Софья Коломийцева. Мать, переживающая чисто-физиологические муки осознания гибели своего потомства. Да, это она в союзе с развратным и

ничтожным человеком вародила больных и уродов, это она ничем не вооружила их для борьбы с жизнью; это она не может, подобно матери революционера, почувствовать себя и духовной матерью своих детей. Глубоко символически звучит обращение Софьи к своим детям — «простите, что родила вас». А они, эти последние, больные и уроды, слабевольные и хищные, опустошенные и опустошающие, идиотики и мерзавцы или раздавлены жизнью, или паразитами прятчутся в складках ее одежды и грызутся между собой за более теплое место. Род Коломийцевых физически уничтожается, он поражен во всех своих ответвлениях, он смраден, он ничтожен.

«Последние» — суровый, классовый приговор дворянству. Языком этого класса говорила и говорит история. Никто еще с такой страшной силой, силой классовой ненависти, не вырубал вишневые сады русского дворянства! Что же удивительного, что царская цензура категорически запретила «Последние» и они впервые нашли сценическую площадку в Берлине в 1910 году.

Театр одержал исключительную победу, театр почувствовал горьковский стиль в его драматургическом произведении, нашел и образно утвердил его сценичность, заговорил ярким языком незабываемых характеров. Это прежде всего заслуга режиссера. В. П. Лермин этой работой рекомендует себя, как вполне законченный и глубоко социально-мыслящий автор. Его направляющая рука чувствуется в общем тоне спектакля, в дружной работе коллектива. Ряд его мизансцен (например, уход Ивана, Александра, Надежды и Леша в последнем акте) просто талантлив.

Исполнительский коллектив донес

яркость горьковских персонажей в их взаимодействии, в осмысливании их вне сценической жизни и сделал их сценическое бытие значимым и напряженным.

Прежде всего нужно говорить о большой содержательной работе **Л. С. Кузьмичевой**. Нас просто радует, что в краевом театре мы увидели прекрасную артистку с незаурядным трагическим дарованием. Тема матери раскрыта ею волнующе и убедительно.

Ярка и закончена работа **С. В. Юрнева**, **П. Д. Муромцева** и **Юрьева**. Трудно себе представить теперь иное сценическое воплощение авторского материала, чем их Яков, Иван и Александр Коломийцевы. О недюжинной силе ансамбля свидетельствует работа **Бельской** (Люба), **Глиноецкой** (Вера), **Разумова** (Лещь), **Рождественской**, **Реутова** и **Степанова**. Удачный по существу первый сценический шаг делает **О. Левкоева**, хотя ее игра, конечно, еще далеко несовершенна.

Театр совершил важное, прекрасное дело, развернув перед зрителем богатство горьковской драматургии. Театр несомненно вырос на такой работе, ибо «Последние» — выдающийся спектакль сезона, характеризующий полнокровную творческую жизнь краевого театра. Следует лишь пожелать, чтобы театр не ограничивался «Последними» в освоении горьковской драматургии. В частности, нашей молодежи, свидетельнице и соучастнице быстрого и мощного роста пролетарской интеллигенции, в высшей степени полезно знать историю вырождения интеллигенции враждебного класса.

Отв. редактор **Д. С. ЛУКИН**.
Издатель: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ГОРЬКОВСКАЯ КОММУНА».